

УДК 343.2

НЕЙМАН И ЕГО ШКОЛА РУССКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА (Статья первая: КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

© 2025 г. С. В. Маликов*, А. И. Чучаев**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

**E-mail: moksha1@rambler.ru

Поступила в редакцию 27.10.2024 г.

Аннотация. В статье дается краткая биография Ивана Егоровича Неймана — основателя исторической школы русского уголовного права, раскрываются его уголовно-правовые взгляды и дается характеристика научного наследия его учеников по Императорскому Казанскому университету — Н.М. Алехина, Е.П. Манасеина и Е.В. Врангеля.

Ключевые слова: уголовное право, И.Е. Нейман, уголовно-правовые взгляды, Казанский университет, историческая школа, ученики-последователи Н.М. Алевин, Е.П. Манасевн, Е.В. Врангель.

Цитирование: Маликов С.В., Чучаев А.И. Нейман и его школа русского уголовного права (Статья первая: Казанский университет) // Государство и право. 2025. № 1. С. 192–206.

DOI: 10.31857/S1026945225010173

NEUMANN AND HIS SCHOOL OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW (Article one: KAZAN UNIVERSITY)

© 2025 S. V. Malikov*, A. I. Chuchayev**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

* E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

**E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 27.10.2024

Abstract. The article gives a brief biography of Ivan Egorovich Neumann, the founder of the historical school of Russian Criminal Law, reveals his criminal law views and characterizes the scientific heritage of his students at the Imperial Kazan University of N.M. Alekhin, E.P. Manasein and E.V. Wrangel.

Key words: Criminal Law, Neumann, criminal law views, Kazan University, historical school, students-followers of N.M. Alekhin, E.P. Manasein, E.V. Wrangel.

For citation: *Malikov, S.V., Chuchayev, A.I. (2025). Neumann and his school of the Russian Criminal Law (Article one: Kazan University) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 192–206.*

Нейман: немец в служении российской науке

В Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета говорится: «Нейман, Иван Егорович (Johann Georg Josias Neumann. — *Авт.*), профессор русского правоведения и политической экономии. Родился в 1780 году в г. Марбурге. Вызванный в Российскую Империю для участия в работах комиссии по составлению законов, состоял при последней в званиях помощника редактора, затем помощника начальника первой экспедиции (1806 г.).

19 октября 1809 года назначен в Казанский университет ординарным профессором русского правоведения и политической экономии, с званием корреспондента комиссии составления законов. 21 февраля 1811 года перемещен в Дерптский университет. 19 октября 1814 года вторично определен в Казанский университет ординарным профессором прав естественного, политического и народного. В 1814–1815 гг. руководил в Казани приготовлением к профессорскому званию Алехина и Манасеина.

18 сентября 1817 году уволен, с причислением к министерству, но в 1818 году снова возобновил профессорскую деятельность — в Дерптском университете. Оставя университетскую службу в 1826 году, умер 13 декабря 1855 года в отставке»¹.

Возвращение Неймана в Казанский университет было обусловлено тем, что в связи с кончиной проф. И.А. Финке² два известных ему магистра — Н.М. Алехин и Е.П. Манасеин — остались без научного руководителя.

Из дела о его направлении в Казань явствует, что согласно полученной им инструкции должен был заниматься с указанными магистрантами естественным правом, правами гражданским и уголовным, а также руководить их научными трудами.

¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета за сто лет (1804–1904): в 2 ч. / под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2. С. 52.

² Иван Арнольдович (Иоанн Христофор) Финке — профессор прав естественного, политического и народного. В Казанском университете работал с 1809 г. ординарным профессором. С 1813 г. до своей кончины (1814 г.) был первым деканом нравственно-политического отделения.

Профессор обязывался периодически отчитываться о проделанной работе и успехах своих учеников.

Еще в первый период работы в Казанском университете Нейман много занимался проблемами организации преподавания русского права, подчеркивая при этом важность его научной основы. Рациональным путем познания русского законодательства, по его мнению, является преподавание, приспособленное к самому изучаемому предмету и студентам.

Профессор выделял две области познания русского правоведения в процессе подготовки юриста: гражданское и уголовное право, причем в последнее, согласно представлениям об этой отрасли, включал законы о преступлениях и наказаниях, уголовно-процессуальные законы и законы, регламентирующие организацию уголовных и полицейских судов. Начинать следовало с законодательных установлений, определяющих основу отношений между людьми и их действиями, — гражданского и уголовного права (*sensu stricto* — в их узком, собственном смысле). Однако этого недостаточно, необходимо изучение реализации соответствующих норм, что достигается при преподавании гражданского и уголовного судопроизводства. Все эти курсы должны быть дополнены историей русского законодательства и правовой науки. Из-за отсутствия исторических исследований Нейман планирует, во-первых, подготовить два варианта комментариев к русскому праву — обширный и краткий; во-вторых, организовать в Казани юридическое общество.

Преподаваемый курс уголовных законов в представлении автора должен состоять из четырех блоков: материальное и процессуальное право, судоустройство и тюремное устройство. Материально-правовой блок строится по пандектному принципу (хотя автор относится к нему критически; см. ниже). Общая часть охватывает изучение таких вопросов, как: о преступлениях вообще; о наказаниях вообще; о вменении (в «учебной книге» он практически не использует понятие вменения, в связи с чем подвергся критике); об «отягчении и смягчении» наказаний; о виновниках и соучастниках; о покушении; о погашении наказаний. В особенную часть включены два вида преступлений: crimes и delits (менее тяжкие). Для каждой

из этих категорий дана шкала (то же, что и шкала. — *Авт.*) правонарушений, охватывающая в том числе и их наказуемость.

В первую категорию включались религиозные преступления, преступления против особы государя и основных законов государства, против внешней безопасности государства, против внутренней безопасности государства, против государственного имущества, сопряженных с противоправными деяниями должностных лиц в отношении исполнения ими своих обязанностей и др. Вторая категория охватывает преступления против безопасности лиц, их имущества, добрых нравов, чести, нарушения временных и местных постановлений полиции.

Этот же подход к изучению студентами уголовного права был использован Нейманом в его «Кратком плане преподавания российского права», отражающем влияние взглядов К.А. Титмана, который ограничивался изложением только действующего законодательства, исключая из учебных планов историю уголовного законодательства и уголовно-правовой науки.

Г.С. Фельдштейн считает, что планы Неймана были в целом реализованы, хотя и не доведены до логического завершения. В обоснование этого он ссылается на два высказывания самого профессора. Так, в представлении в совет Казанского университета Нейман пишет: «Для преподавания о уголовном праве я употреблять буду собственное мое сочинение, содержащее начала уголовного права и которое обрабатываемо будет в продолжении моих лекций; от сего сочинения прилагаю введение с планом». Во-вторых, профессор отмечает: «Известно, что еще нет в России юриспруденции, — и можно сказать, что даже нет действительного права.., я был принужден прибегнуть к самым источникам, т.е. читать указы один после другого и поместить выписки оных в особенных тетрадах. На сей конец я последовал... плану, который в главных разделах согласен с планом уголовного уложения, одобренным директором комиссии, и различается только в некоторых частях, поскольку систематическое преподавание требует другой порядок...»³.

Обращаем внимание еще на один момент, характеризующий Неймана как ученого. Иностранец по происхождению, он ратовал за изучение русского языка. Выступая в Дерпте 28 октября 1818 г., заявил: «Насколько я могу доньше наблюдать, в здешнем университете изучение русского языка находится в большом пренебрежении. Даже студенты, которые намерены посвятить себя

государственной службе, по гражданской специальности, имеют очень слабые познания в русском языке и вовсе не считают необходимым включить изучение его в свою научную подготовку, хотя это положительно предписано указом 6 августа 1809 г. (имеются в виду Правила о производстве в чины по гражданской службе и об испытаниях для производства в коллежские асессоры и статские советники. — *Авт.*)»⁴.

Члены совета университета в целом признали слабую подготовку студентов по русскому языку, но возражали против мер, предлагаемых Нейманом: принимать в вуз только тех, кто на вступительных испытаниях покажет удовлетворительные знания русского языка; если это по каким-то причинам невозможно, то для получения аттестата об окончании университета предусмотреть сдачу такого экзамена после окончания теоретического курса. При этом наиболее критичным был настрой ректора, также немца по национальности, И.Ф.Г. Эверса.

В следующем году Нейман вновь вернулся к этой проблеме. «Уже несколько раз официально докладывал о господствующем в нашем университете невежестве по русскому языку. Говорю — “невежество”, ибо слабые познания в нем не того или другого из наших студентов не идут даже в расчет по сравнению с тем, что они должны бы знать; говорю — “господствующем”, ибо, насколько я мог доньше наблюдать, из десяти студентов вряд ли найдется один, хотя посредственно знающий этот предмет...»⁵. Между тем, делал вывод Нейман, изучение русского права, его истории, а также правоприменительная деятельность невозможны без знания русского языка.

В литературе отмечается, что «на долю И. Неймана выпала неблагоприятная роль ученого, заложившего основание школы, но не увидевшего результатов своей деятельности. Детально разработав план организации преподавания русского права, заготовив для этого огромный материал, И. Нейман не успел его обнародовать, хотя и воспитал на нем ряд учеников, унаследовавших не только его приемы, но, по-видимому, и произведенную им работу»⁶.

Уголовно-правовые взгляды Неймана

Нейман принадлежит исторической школе уголовного права России. Возникнув в Германии (Г. Гуго, Ф.К. Савиньи, Ф.Ю. Штолль и др.),

⁴ Цит. по: *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802—1902): исторический очерк. Т. 1: Первый и второй периоды (1802—1865). Юрьев, 1902. С. 238.

⁵ Там же. С. 240.

⁶ *Фельдштейн Г.С.* Указ. соч. С. 345.

³ *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 348, 349.

своеобразное развитие она получила в доктрине русского уголовного права⁷. Пожалуй, впервые оттенки указанного учения нашли отражение в трудах И.В. Васильева⁸, в частности в одной из наиболее ранних его работ «Историческое обозрение древнего Российского законодательства»⁹, в которой автор показал развитие русского права как прогрессивный процесс, ратовал за кодификацию законодательных актов, носивших бессистемный и противоречивый характер¹⁰. В.А. Томсинов пишет: «И.В. Васильева можно с полным основанием назвать предтечей исторического направления в русском теоретическом правоведении, возобладавшего в 30–40 годы XIX века. Своими трудами он усиливал интерес к истории русского законодательства среди современных ему правоведов и вместе с тем создавал базу для более глубоких историко-правовых исследований. Главное достижение Васильева заключалось в том, что во времена, когда в русской юриспруденции преобладал философский, умозрительный подход к праву, к юридической жизни общества, он делал основной упор на источники, старался идти в своих научных работах от конкретной правовой материи.

⁷ См.: *Кареев Н.И.* Два взгляда на процесс правообразования // *Русский вестник*. 1889. № 11; *Кениг И.И.* Савиньи и его отношение к современной юриспруденции // *Русский вестник*. 1863. Т. 44; *Муромцев С.А.* Образование права по учениям немецкой юриспруденции. М., 1886; *Новгородцев П.И.* Немецкая историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии. М., 1896; и др.

⁸ Васильев Илларион (сам он писал «Иларион» с одной буквой «л») Васильевич (1801 (в литературе утверждается, что дата его рождения неизвестна; в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона она также не дается; в интернет-изданиях приводится указанный год) — 1832) — окончил нравственно-политическое отделение Императорского Московского университета, там же защитил магистерскую диссертацию на тему «Рассуждение о законах Государства Российского, изданных от основания оного до нынешних времен, с показанием причин периодической оных перемены и постепенной образованности, в какой они ныне» (опубликована отдельной книгой (М., 1823)). В университете преподавал русское законоведение, был синдиком (административная должность в императорских университетах России, занимался вопросами судопроизводства в университете. — *Авт.*) и секретарем училищного комитета. Васильев — автор первого учебника по русскому праву, адресованного широкому кругу читателей (см.: *Васильев И.В.* Новейшее руководство к познанию российских законов, изданное для воспитанников Московского коммерческого училища Иларионом Васильевым, магистром нравственных и политических наук: в 2 ч. М., 1826–1827). Всего им опубликовано около 20 работ (см.: *Томсинов В.А.* Российские правоведы XVIII–XX: очерки жизни и творчества: в 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 249).

⁹ *Васильев Иларион.* Историческое обозрение древнего русского законодательства // *Вестник Европы*. 1822. № 7.

¹⁰ См. подр.: *Чучаев А.И.* Разработка уголовного законодательства в XVIII — первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права // *Государство и право*. 2024. № 11.

Не случайно он уделял огромное внимание правовым документам»¹¹.

Заметим, что первую попытку исследовать историю русского законодательства предпринял, пожалуй, Ф.Г. Штрубе де Пирмонт. Об этом, в частности, свидетельствует его речь, произнесенная 6 сентября 1756 г. на торжественном собрании Академии наук. В том же году речь была опубликована на двух языках — русском и французском¹².

В историю науки уголовного права Васильев вошел как предвестник зарождающейся школы исторического изучения права, являющегося необходимым условием формирования догмы уголовного права на исторических устоях. Выявленные путем диахронного исследования свойственные уголовному законодательству черты им признаются особенностями русского права, которые необходимо учитывать при разработке законов как устойчивых и неизменных основ.

В отличие от Васильева Нейман «положил первый кирпич» в основание указанного направления уголовно-правовой мысли. Правда, Г.С. Фельдштейн с горечью замечает: «Само проведение в жизнь этого течения в нашу науку совершается, однако, усилиями ученых, стоящих в более близком общении с западной наукой, чем органически выросшие на русской почве представители историзма в праве. Говоря это, мы имеем, с одной стороны, в виду работы И.Е. Неймана и созданную им школу истории русского права в лице ее наиболее видного представителя А. Рейца и, с другой, историческое течение, восходящее, по своим источникам, к тем же западным образцам, но питающееся непосредственно опытами славянских ученых»¹³.

Естественно, в работах Неймана нельзя найти все атрибуты исторической школы права и их характеристику. Несомненно одно: он активно внедрял в первую очередь в преподавание уголовного права, в уголовно-правовую науку концептуальные основы указанного направления юридической мысли. Этого же требовал и от своих учеников.

Уголовно-правовые взгляды Неймана нашли отражение в «учебной книге», посвященной, выражаясь нынешним языком, вопросам общей части

¹¹ *Томсинов В.А.* Указ. соч. С. 254.

¹² См.: Слово о начале и переменах российских законов / В торжественное празднество тезоименитства ее императорского величества всеимпловейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийския в публичном собрании Санктпетербургской Императорской Академии наук, говоренное Федором (на самом деле его звали «Фридрих». — *Авт.*) Штрубом сентября 6 дня 1756 году.; И введенное на российской язык Семеном Нарышкиным. СПб., 1756 (доклад представлен на обоих языках).

¹³ *Фельдштейн Г.С.* Указ. соч. С. 345.

уголовного права¹⁴. Работа охватывает восемь глав: гл. 1 — О преступлениях вообще; гл. 2 — О наказаниях вообще; гл. 3 — О причинах, по коим должно освободить от наказания; гл. 4 — О причинах уменьшения и увеличения наказаний; гл. 5 — О покушении на преступление; гл. 6 — О соучастии в преступлении; гл. 7 — О перемене наказаний; гл. 8 — Об отмене наказаний. Во введении представлены определение уголовного права и основания его деления.

Оценивая структуру работы, можно сказать, что она охватывает практически все основные институты Общей части уголовного права, причем в определенной степени представляет собой несомненную новизну характеристики дихотомической связки «преступление — наказание». Например, институт соучастия начал разрабатываться только со второй половины XIX в.¹⁵, между тем некоторые представления о нем уже были изложены в рассматриваемой «учебной книге» Неймана.

Законом Нейман признавал правила, с которыми члены общества соотнобразовывали свои действия, предписанные верховной властью в государстве для достижения цели общественного союза, а собрание таких законов считал правом. Законы подразделял: 1) на общие (или публичные), содержавшие предписания, относящиеся ко всему населению страны; 2) на частные (или гражданские в собственном смысле слова), регулировавшие отношения между «частными людьми». В связи с этим и само право делится на общее (публичное) и частное (гражданское).

«Уголовные законы, — пишет Нейман, — имеют предметом изложение преступлений и наказаний, за оные определенных. Они предписывают, какие деяния должно почитать нарушающими безопасность в государстве, то есть преступлениями, и какие налагать за совершение оных наказания»¹⁶. По сути, автор, как и современные криминалисты, исходит из такой характеристики деяния, признаваемого преступлением, как его общественная опасность. Это наглядно явствует из следующего высказывания автора: «Охранение безопасности в государстве есть дело, касающееся до целого общества; следовательно,

и правила, предписываемые в рассуждении деяний, нарушающих оную, хотя бы преступления учинены были против лица или собственности одного человека, имеют предметом отношения соединенных в государстве людей к целому обществу, а не токмо отношения, существующие между ними как частными людьми. По сему уголовные законы составляют часть общего права»¹⁷.

Надо сказать, что подобная характеристика преступления, выделение общественной опасности в качестве основания криминализации представляют собой несомненный прогресс в теоретическом осмыслении рассматриваемого феномена.

Цель уголовного закона Нейман видел в обеспечении безопасности общества, что, по его мнению, непосредственно вытекает из цели общественно-го союза, состоящей в стремлении людей объединенными усилиями достичь общего благополучия. Это становится возможным только при условии, согласно которому никто не может совершать что-либо, что могло бы нарушить безопасность как общества, так и конкретного лица. Именно данным обстоятельством обуславливается запрет последних законами верховной власти¹⁸.

В связи с изложенным представляется неточным утверждение Е.В. Епифановой о том, что общественная опасность как признак уголовно наказуемого деяния впервые упоминается в работе О.И. Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права»¹⁹. О.И. Горегляд преступлением признавал «деяние противозаконное, умышленное и при том вредное Государству или частным людям»²⁰. Обратим внимание лишь на один

¹⁷ Там же.

¹⁸ «...Людей, кои находят выгоду свою в совершении деяний, нарушающих безопасность целого общества или частных лиц, не может удержать от того одно повеление закона, равным образом как невозможно и распределение верховной властью служителей ее по всей земле так, чтобы они, исполняя повеление закона, могли удерживать людей от подобных деяний прежде совершения оных. Опыт доказывает, что нельзя совершенно предупредить деяний, нарушающих безопасность в государстве; а лучшее средство для достижения того, чтобы оных совершалось сколько возможно меньше, есть сопрягать с ними физическое зло, подобному тому, как с деяниями, противными главным целям природы, сопрягается неминуемая боль. Сие физическое зло, сопрягаемое с деяниями, нарушающими безопасность в государстве, называется наказанием» (см.: там же. С. 6, 7).

¹⁹ Епифанова Е.В. «Общественная опасность» как признак преступления в доктринах российского уголовного права XVII–XIX вв. // Юрид. наука. 2011. № 3. С. 28.

²⁰ Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права, часть 1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815. С. 1.

Характеристику работы см.: Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Первый учебник уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права») // Lex russica. 2015. № 3 (т. С). С. 112.

¹⁴ См.: Нейман И. Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. С. 2. В ряде изданий указано, что работа опубликована в 1804 г. (см., напр.: Фельдштейн Г.С. Указ. соч. С. 349), однако этого не могло быть по определению. Во-первых, в выходных данных издания отражена указанная нами дата; во-вторых, только в 1813 г. автору было официально поручена подготовка «учебной книги» по уголовному праву (см. подр.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902): в 2 т. Т. 1 / под ред. Г.В. Левицкого. Юрьев, 1902. С. 558).

¹⁵ См., напр.: Жиряев А.С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850.

¹⁶ Нейман И. Указ. соч. С. 4

момент в этой дефиниции: по мнению автора, вред деянием причиняется либо государству, либо отдельному лицу. Таким образом, во втором случае, исходя из буквального толкования позиции Горегляда, обществу не причиняется урон, тогда как Нейман в любом проявлении преступления, независимо от потерпевшего, видел посягательство на интересы общества в целом, а не отдельно взятого человека²¹.

Такое понимание общественной опасности соответствовало сущности диаметрально противоположного состояния общества — его безопасности, которое в то время характеризовалось как состояние, когда «цари царствуют, а законодатели судят правду, по намерению создателя и к славе премудрейшего и вечного Законодателя, что к благополучию лучше служит такое учреждение общежития, где Государю достоудное воздается почтение и его повеления исполняются, внутренние и внешняя тишина хранится и защищается, в котором каждые дела правосудными и премудрыми законами к всеобщему благу управляются, к общей пользе»²².

Надо заметить, что задолго до указанных авторов Штрубе де Пирмонт общественную опасность преступления видел в том, что «зло, рождающееся от неправды, гораздо вредительнее обществу, нежели война наикровопролитнейшая. Сия уподобляется свирепому огню, в скорости распространяющемуся, которой утушить всякой старается: а тому продолжительному яду, почти нечувствительно вредящему, к которого искоренению весьма немногие в состоянии принести довольные способы»²³. Автор, пусть несколько и своеобразно, от-

разил материальный признак преступления — зло, причиняемое обществу; иными словами, опасность деяния он видел в том вреде, который причиняется не конкретному лицу, а всему населению государства.

Признание Нейманом наказания злом противоречит философской и теологической²⁴ его оценке²⁵. Так, еще Платон указывал: «Дело в том, что по закону ни одно наказание не имеет в виду причинить зло. Нет, наказание производит одно из двух действий: оно делает наказуемого либо лучшим, либо менее испорченным <...> Вообще никто никогда не должен оставаться безнаказанным за какой бы то ни был проступок...»²⁶.

Как и другие криминалисты первой половины XIX в., Нейман понятием уголовного права объединял уголовное право в собственном смысле слова (законы о преступлениях и наказаниях) и устав уголовного судопроизводства, определяющий порядок наложения наказания за совершенное деяние (сказалось влияние немецкой школы уголовного права; взгляд на процессуальную науку как практическую часть уголовного законодательства защищался многими немецкими криминалистами, в частности К.А. Титманом). Вслед за Г. Яценковым и Якобом²⁷ он выделял общую и особенную части уголовного права: первая охватывает положения о преступлении и наказании как таковых, вторая содержит перечень, описание и наказуемость конкретных преступлений, хотя при этом замечал: «выражения сии сами по себе неясные и не введенные в другие языки просвещенных народов, кроме немецкого... излишние технические слова»²⁸.

Перед тем как перейти к собственно характеристике институтов общей части или, по Нейману, к начальным основаниям уголовного права, автор делает имеющую существенное значение

И переведенное на русский язык Семеном Нарышкиным. С. 32.

²⁴ См. подр.: *Святитель Игнатий (Брянчанинов)*. Аскетические опыты. Чаша Христова. М., 2010; *Рагимов И.М.* Преступление и наказание в мировых религиях. СПб., 2024; *Савенков А.Н.* Первоосновы уголовного права: новое направление исследований // Государство и право. 2024. № 3; *Чучаев А.И.* Наказание оправдано, если... // Государство и право. 2024. № 11; и др.

²⁵ Эта позиция близка к утверждению Г. Гроция, который считал, что «наказание в общем значении слова есть перенесение зла, причиняемого за совершение злодеяния» (см.: *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1956. С. 451; см. также: *Иван Грозный*. Соч. М., 2010. С. 12–14).

²⁶ *Платон*. Законы, или О законодательстве / пер. С. Шейман-Топштейн. М., 2020. Кн. IX. С. 853.

²⁷ См.: *Чучаев А.И.* Разработка уголовного законодательства в XVIII — первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права.

²⁸ *Нейман И.* Указ. соч. С. 8.

²¹ В современной уголовно-правовой литературе это обстоятельство образно и убедительно обосновано В.С. Прохоровым. Критикуя позицию В.К. Глистина, противопоставлявшего общественные отношения и жизнь человека как объекта уголовно-правовой охраны, он пишет: «Если объект преступления — конкретный человек, он и только он противопоставит преступлению, ущерб равен утрате одной человеческой жизни. Если объект преступления — такой порядок отношений между людьми, который обеспечивает каждому его право жить, если убийство совершено, то “убит один из нас”» (см.: *Уголовное право России. Общая часть* / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 392).

²² Слово о начале и распространении положительных законов, и о неразрывном союзе философии с их учением, в публичном собрании Императорского Московского университета, бывшем для высокотожественного дня рождения ее императорского величества благочестивейшия великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, говоренное профессором и университетской конференции секретарем Карлом Генрихом Ланге. М., 1766. С. 6.

²³ Слово о начале и переменах российских законов / В торжественное празднество тезоименитства ее императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийския в публичном собрании Санктпетербургской Императорской Академии наук, говоренное Федором Штрубом сентября 6 дня 1756 году;

оговорку. «Прежде изложения уголовных законов какого-нибудь народа весьма прилично изложить те главные начала, которые служат основанием уголовным законам вообще и должны быть приемлемы в уважение в каждом положительном праве <...> Изложение сих главных понятий и первоначальных положений, служащих основанием уголовному праву... будет предметом... исследования»²⁹. Однако дальнейший материал практически не связан с русским уголовным правом, многие положения последнего, по сути, в учебнике вообще не представлены.

Право наказания (*jus puniendi*) автор объясняет необходимостью охранять безопасность государства. В связи с этим наказание должно быть достаточным для предупреждения преступных деяний, т.е. соразмерным характеру и тяжести преступления³⁰. Но эта соразмерность недостижима, поскольку нельзя определить общую меру, исходя из которой можно назначить наказание таким образом, чтобы оно на всех людей имело равное воздействие. Однако именно соразмерность лежит в основе дифференциации воздействия на виновного, делении видов наказания на уголовные и полицейские. Позиция Неймана перекликается с мнением Монтескье, который отмечал: «Мудрый законодатель стал бы обращать людей на путь истины справедливою соразмерностью наказаний и наград, правилами философии, нравственности и религии, свойственными подобным характерам, благоразумным приспособлением законов чести, острасткою стыда, предоставлением свободы наслаждаться постоянным счастьем и тихим спокойствием»³¹.

И. Кант воспринимал соразмерность наказания в виде талиона. «Единственный принцип, — писал он, — это принцип равенства (в положении стрелки на весах справедливости), согласно которому суд склоняется в пользу одной стороны не более, чем в пользу другой. Итак, то зло, которое ты причиняешь кому-нибудь другому в народе, не заслужившего его, ты причиняешь и самому себе...»³².

Цель наказания Нейман сводит к превенции. Из ее характеристики нельзя сделать однозначный вывод: он ее ограничивал общим предупреждением

или включал в нее и специальное предупреждение нарушений безопасности в государстве.

Примерно также определял цели наказания Ч. Беккариа. «Цель наказания, — пишет он, — заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удерживать других от совершения того же. Поэтому следует употреблять только такие наказания, которые при сохранении соразмерности с преступлениями производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на душу людей и были бы наименее мучительными для тела преступника»³³.

Для начала XIX в. прогрессивным представляется утверждение автора, согласно которому наказание должно определяться законом, а не быть предоставлено воле судьи. Хотя данное положение само по себе, как известно, было далеко не новым, но интересны рассуждения Неймана по этому поводу. Он, в частности, пишет: «Сопряжение наказаний с преступлениями есть дело законодателя, рассуждающего о соразмерности их по общим правилам. Судья, рассматривающий только частный случай, не может сообразоваться с положением всего общества и надобности народа. Есть ли наложение наказаний будет предоставлено воле его, то соразмерность оных необходимо уничтожится от того, что по разности во мнениях многих судей, на одинаковые преступления в одном и том же государстве могут налагаться весьма различные наказания»³⁴.

Это утверждение не исключает, выражаясь современным языком, судебское усмотрение при назначении наказания, его индивидуализацию с учетом конкретных обстоятельств совершенного преступления.

Наказание носит личный характер, не может назначаться в отношении лиц, не признанных виновными в совершении преступления.

Автор выделяет несколько родов наказания, исходя из их объекта: 1) лишение жизни — смертная казнь³⁵ или политическая смерть. Политическая смерть впервые была введена в России Петром I взамен смертной казни за политические преступления и ряд других деяний; таким образом, Нейман,

²⁹ Нейман И. Указ. соч. С. 8, 9.

³⁰ Гораций писал: «Нужно, чтобы правило было... полагалось возмездие равным вине, чтоб бичом не наказан был легкий проступок»; «Правило есть назначать наказание за равное равным, и кто достоин кнута, не наказывать страшною плетью» (см.: *Квинт Гораций Флакк*. Полн. собр. соч. / пер. под ред. и с прим. Ф.А. Петровского, вступ. ст. В.Я. Каплинского. М. — Л., 1936. С. 218).

³¹ Дух законов. Творение знаменитого французского писателя Де Монтескью / пер. Е. Корнева. СПб., 1862. Ч. 1. С. 155.

³² Кант И. Метафизика нравов. М., 1965. С. 257.

³³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 69, 70.

О целях наказания в философии и доктрине уголовного права подробно см.: Чучаев А.И. Цели наказания: квадратура круга // Уголовное право. Общая часть. Наказание: в 10 т. Т. 1. Кн. 2 / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2021. С. 27–61.

³⁴ Нейман И. Указ. соч. С. 19, 20.

³⁵ См. подр.: Очерк истории смертной казни в России. Речь, читанная на годичном акте Императорского Казанского университета ордин. проф. Н.П. Загоскиным // Известия и ученые записки Казанского ун-та. 1892. № 1; Викторский С.И. История смертной казни в России и ее современное состояние. М., 1912.

как представитель исторической школы уголовного права, считал необходимым включить в систему наказаний указанный его вид; 2) лишение свободы³⁶; 3) телесные наказания³⁷. Передовые мыслители России уже задолго до работы Неймана выступали против этого вида наказания. Так, А.Н. Радищев писал: «Полезь наказания телесного (по крайней мере для меня) проблема недоказанная. Оно цели своей достигает ужасом. Но ужас не есть спасение и действует лишь мгновенно»³⁸; 4) наказания, трагивающие честь виновного. Наиболее своеобразным видом этой группы наказаний являлся «шиворот навыворот»³⁹. На провинившегося натягивали вывернутую наизнанку одежду, сажали на захудалую лошаденку или корову лицом назад и возили по торговой площади или по городу под улюлюканье толпы. По сохранившимся историческим документам такое наказание царем Иваном Грозным было применено в отношении новгородского архиепископа Пимена; 5) денежные взыскания — лишение имущества или его части.

Законодательство, по мнению Неймана, должно содержать положения об освобождении от наказания (освобождение от уголовной ответственности в работе не упоминается). Дискутируя с другими криминалистами, он признает необоснованным применение в уголовном праве понятия «вменение», употреблявшегося применительно к обстоятельствам, по разным причинам не влекущим ответственности по уголовному законодательству, признавая его «техническим словом».

Уголовное законодательство должно содержать следующие виды освобождения от наказания: 1) за учиненные деяния, совершение которых не зависело от воли лица в связи с его «личным состоянием»: сумасшедшие или безумные; дети до определенного возраста; глухие и немые. Эти лица не в состоянии понимать связи, существующей между деянием и наказанием. По сути, в указанном случае речь должна идти об отсутствии надлежащего субъекта; по современному уголовному праву они не подлежат ответственности, а следовательно, их не от чего освобождать; 2) за деяние, совершенное в результате физического принуждения.

³⁶ См.: Дементьев С.И. Лишение свободы как мера уголовного наказания. Краснодар, 1977.

³⁷ Об истории данного наказания см.: Евреинов Н.Н. История телесных наказаний в России. СПб., 1913.

³⁸ Радищев А.Н. Проект для разделения Уложения Российского // Радищев А.Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 3: Труды по юриспруденции, деловые бумаги, дневники и письма. М. — Л., 1954. С. 170.

³⁹ В словаре Н.М. Шанского значится, что раньше слово могло выглядеть как «шиВОворот». Один слог стал лишним и исчез благодаря гаплоглоии — выпадению одного из двух одинаковых соседних слогов (см.: Школьный этимологический словарь / авт.-сост. Н.М. Шанский. М., 2004. С. 296).

К видам освобождения от наказания автор относит обстоятельства, исключаящие преступность деяния: причинение вреда при самозащите (т.е. при необходимой обороне); крайней необходимости (кражи продуктов питания при голоде).

Уже тогда презюмировалось: незнание закона не освобождает от наказания.

Взгляды Неймана непоследовательны и достаточно противоречивы. Автор практически не рассматривает вопросы вины и ее видов, лишь вскользь упоминает неумышленные (т.е. неосторожные) проступления, происходящие в результате заблуждения или допущенной ошибки.

Интересными представляются рассуждения автора о стадиях совершения преступления. Формально он выделяет одну стадию — покушение, но при этом различает его степени. По его мнению, покушение на преступление бывает тогда, когда «преступление, кем-либо предпринятое, не совершенно исполнится»⁴⁰. К его степеням относятся: 1) действительное совершение деяния, направленного на нарушение безопасности, которое по различным причинам не повлекло последствий, предусмотренных виновным и, как правило, наступающих в таких ситуациях. По современному уголовному праву подобного рода действия образуют оконченное покушение; 2) начало совершения преступления; в этом случае, как представляется, речь идет о неоконченном покушении (невыполнении всех действий, необходимых для завершения преступления); 3) приготовление к совершению преступления (в настоящее время оно признается самостоятельной стадией).

В первой четверти XIX в. примерно таким же образом предварительная преступная деятельность характеризовалась и другими криминалистами. Так, Г.И. Солнцев выделял степени неоконченного преступления: покушение отдаленное (в этом случае фактически речь идет о приготовлении); покушение менее отдаленное (в современной трактовке — неоконченное покушение); самое ближайшее покушение (оконченное покушение)⁴¹.

Под соучастием в преступлении Нейман понимает «всякого рода вспомоществование при совершении преступления, учиненное с намерением. Те, которые своими деяниями помогают токмо совершению преступления, для различия от настоящих исполнителей оного, называются сообщниками»⁴². По сути, это определение отражает лишь

⁴⁰ Нейман И. Указ. соч. С. 60.

⁴¹ См.: Российское уголовное право, изложенное обоим прав доктором, Казанского университета бывшим ректором Гавриилом Солнцевым. Казань, 1820. С. 92.

⁴² Нейман И. Указ. соч. С. 65.

объективные контуры соучастия с общим указанием на его субъективный элемент (интенцию). Как уже указывалось, разработка института соучастия началась позднее. Например, в работе Г.И. Солнцева, не существенно отличающейся по времени издания от «учебной книги» Неймана, представлены скорее виды соучастников и частично формы соучастия без общего понятия института и тем более выделения его признаков⁴³.

Работа Неймана была воспринята критически. Так, Н.С. Таганцев отмечал: «Нейман... издал свои лекции под названием “Начальные основания уголовного права”, 1814, 74 страницы маленького формата, никакого отношения к русскому праву не имеющие»⁴⁴. Но, пожалуй, наиболее резко отзывался о ней Г.С. Фельдштейн, заявивший: «“Начальные основания”... были, по-видимому, школьным конспектом, не отражавшим совершенно материалов, им накопленных»⁴⁵.

Однако справедливости ради надо отметить: во-первых, Нейман излагал начальные основы уголовного права вообще, а не России⁴⁶; во-вторых, его взгляды во многом отражают состояние уголовно-правовой науки того времени, что наглядно явствует из их сопоставления с взглядами других криминалистов рассматриваемого периода.

В 1824 г. Нейман выработал план для описания истории русского права (остался в рукописи), а в 1830 г. издал работу “*Entwicklung des Russischen Rechts nach der ersten bis zur zweiten Prawda*”. С 1825 г. он готовил к печати обширный труд по истории русского права, однако в силу ряда причин (в первую очередь из-за состояния здоровья) ему не удалось завершить работу⁴⁷.

В Казанском университете, куда Нейман возвратился в 1814 г., он в основном сосредоточился на подготовке молодых ученых к профессорскому

званию, в частности его учениками стали Н.М. Алевин, Е.В. Врангель, Е.П. Манасеин.

Н.М. Алевин

Николай Михайлович Алевин — адъюнкт⁴⁸ правоведения. Родился в 1794 г., из дворян Казанской губернии. С 1804 г. воспитывался в Казанской гимназии, откуда в 1807 г. переведен студентом в Казанский университет⁴⁹, а в 1811 г. за отличные успехи в овладении юридических наук произведен в кандидаты.

В это время всю юриспруденцию в вузе представлял выпускник Геттингенского университета профессор «прав естественного, политического и народного» Г.Л. Бюнеман. Только в 1809 г. в Казани начали преподавать профессора Финке (также выпускник Геттингенского университета) и Нейман.

Во время учебы Алевина в университете еще не были сформированы факультеты, поэтому студенты, желавшие стать юристом, слушали курсы лекций по разным наукам, причем часть из которых была достаточно далека от юриспруденции. В его послужном списке, датированном 1815 г., значатся следующие изученные им предметы: философия, древности, латинская и немецкая словесность, всеобщая и российская история и география, статистика Российской Империи и прочих европейских государств, математика, физика, естественная история, права естественное, частное, государственное и народное, римское, общее уголовное, российское гражданское и уголовное. Кроме того, он самостоятельно изучил феодальное и каноническое право⁵⁰.

В 1812 г. после успешной сдачи экзамена Алевину присвоена степень магистра правоведения (без защиты диссертации). В представлении о присуждении степени магистра Финке указывает, что

⁴³ См.: Российское уголовное право, изложенное обоим прав доктором, Казанского университета бывшим ректором Гавриилом Солнцевым. С. 83, 84.

⁴⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 21.

⁴⁵ Фельдштейн Г.С. Указ. соч. С. 350.

⁴⁶ Вероятно, это могло быть приметой времени. Например, в работе профессора МГУ С.И. Баршева «Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях» (М., 1841), долгое время бывшей единственным пособием по уголовному праву, учение о преступлениях и наказаниях представлено отвлеченно, без обращения к российскому законодательству. Разработка собственно российского права в трудах русских ученых началась со второй половины XIX в.

⁴⁷ См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего, Дерптского университета за сто лет его существования (1802–1902). Т. 1 / под ред. Г.В. Левицкого. С. 585, 586.

⁴⁸ Адъюнкт — преподавательская должность, была введена первоначально в Московском университете по аналогии с практикой европейских университетов вне уставных положений. В штатную структуру университетов вошла по Университетскому уставу 1804 г. С 1835 г. для занятия должности адъюнкта требовалась ученая степень магистра. В 1863 г. должность упразднена, а вместо нее введена штатная должность доцента.

⁴⁹ В то время в Казани имела необычная комбинация учебных заведений: не гимназия состояла при университете, а университет при гимназии, полностью подчинявшийся гимназическому начальству. С 1805 до 1814 г. попечитель Казанского учебного округа С.Я. Разумовский перевел из гимназии в университет 33 человека, которые обучались у специально приглашенных профессоров-иностранцев (см. подр.: Кизеветтер А.А. Исторические очерки. Из истории политических идей. — Школа и просвещение. — Русский год в 18 в. — Из истории России 19 ст. М., 1912. С. 160).

⁵⁰ См.: Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904: в 3 т. Т. 2. Ч. 2 (1814–1819). Казань, 1903. С. 38.

Алехин «в высшей степени прилежный и знающий..., настолько успел заявить себя своими дарованиями и специальными познаниями, что по отношению к нему всякая дальнейшая рекомендация может считаться излишней»⁵¹.

Начиная с 1814 г. под руководством Неймана готовился к профессорскому званию. Его просьба о направлении на стажировку в европейский университет (1814 г.) была отклонена, но на следующий год распоряжением министра переведен в Санкт-Петербургский университет «для дальнейших занятий правоведением». В 1817 г. возвращен в Казань.

Будучи адъюнктом Казанского университета, преподавал институции Юстиниана в сравнении с французским уложением. С 1817 г. являлся секретарем нравственно-политического отделения университета. В начале 1819 г. представлялся к званию ординарного профессора, но кандидатура была отклонена (по некоторым сведениям, этого не произошло из-за смерти соискателя). В 1818 г. вместо Манасеина читал курс лекций по естественному праву.

Умер на работе в 1819 г., всего 25 лет и 3 месяцев от роду; похоронен в церковной ограде с. Аркатово Лаишевского уезда (Лаишевского района Республики Татарстан)⁵².

Естественно, его научное наследие невелико. Во время подготовки магистерской диссертации Алехин составил собственные курсы прав римского, гражданского и уголовного. Такое направление научных занятий Нейман объяснял тем, что «достойным звания профессора может похвастаться не тот, кто выучил токмо преподаваемые другие мысли, но кто сам в состоянии их сравнивать, излагать кратко и ясно и содействовать к усовершенствованию науки»⁵³.

Будучи переведенным в Санкт-Петербургский университет «для усовершенствования себя в науках и для окончания начатых под руководством профессора Неймана учебных книг», Алехин до возвращения в Казань в 1816 г. «изложил римское гражданское право, частью для того, чтобы

удержать в памяти читанное им, частью для того, чтобы руководствоваться сим систематическим начертанием при преподаваниях, когда оные на него возложены»; в 1817 г. изучал историю римского права и осуществил перевод первой книги Институций Юстиниана⁵⁴.

Е.П. Манасеин

Елпидифор⁵⁵ Петрович Манасеин — адъюнкт правоведения. Его биография в годы становления как ученого во многом совпадает с биографией Алехина. Правда, он на год моложе своего коллеги, родился в 1775 г. в Казанской губернии. Имеет дворянское происхождение. Его отец, Петр Андреевич, был предводителем Лаишевского уездного дворянства. С 1802 г. учился в Казанской гимназии, в 1807 г., несмотря на разницу в возрасте, одновременно с Алехиным переведен в Казанский университет. В 1811 г. удостоен степени кандидата, вместе с ним занимался изучением права под руководством профессора Финке, а после его кончины — Неймана.

Диссертацию на магистерскую степень Манасеин представил на два с половиной года позже, чем Алехин⁵⁶. В связи с этим проходил процедуру защиты, закрепленную в Университетском уставе 1804 г., предусматривавшую чтение публичной лекции и публичную защиту на латинском языке отпечатанных тезисов к диссертации (диссертация не сохранилась⁵⁷).

По тем же причинам, что и Алехин, Манасеин был направлен в Петербург, но в отличие от него специализировался не по уголовному, а естественному праву. Согласно его отчетам, перевел на русский естественное право Г. Гроция, систему европейского народного права Заальфельда и подготовил материал для собственного курса естественного права. В 1817 г., еще во время пребывания в Петербурге, министром утвержден в звании адъюнкта правоведения (вероятно, в немалой степени это стало возможно из-за представления попечителя учебного округа Салтыкова и лестной рекомендации Неймана).

Манасеин вернулся в Казань раньше, чем Алехин (в феврале 1817 г.). Как указывает Н.П. Загоскин, со «следующего же учебного года открыл курс философии положительного права, по Гуго,

⁵¹ Цит. по: Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 39, 40.

⁵² Профессор красноречия, стихотворства и языка российского Казанского университета Г.Н. Гордчанников почтил память Алехина стихотворением, в котором, в частности, говорится:

*«Цветок лишь распустился
И разлил аромат,
Как вдруг его лишился
Муз наших ветроград...
Ты рано, странник света,
Твой посох положил:
Еще и половины
Пути не совершил...».*

⁵³ Цит. по: Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 41.

⁵⁴ См.: там же.

⁵⁵ Непривычное для русского слуха имя греческого происхождения означает «приносящий надежду».

⁵⁶ Кстати, диссертацию он защищал в одно время с защитой докторской диссертации Г.С. Солнцевым, впоследствии ставшим ректором Казанского университета.

⁵⁷ См.: там же. С. 44.

и европейского народного права, по Заальфельду, с дополнениями из Гюнтера и Мартенса... Манасеин и Алехин были первыми преподавателями, читавшими лекции на русском языке»⁵⁸.

В Казанском университете Манасеин проработал всего один год. По решению совета университета 1818 г. был командирован в «звании визитатора»⁵⁹ в симбирскую, саратовскую, астраханскую и кавказскую (кавказские области относились к Казанскому учебному округу) губернии. На него возлагалось решение сложной и важной задачи — совершенствование деятельности существующих и открытие новых учебных заведений. «Увольнение Манасеина из ученой службы университета, с назначением директором училищ кавказской губернии, последовало... в 1821 г. <...> В августе того же года попечитель Казанского учебного округа Магницкий делал попытку привлечь Манасеина снова в Казанский университет, для замещения кафедры отстраненного от преподавания профессора Солнцева; Манасеин, знавший порядки, введенные новым попечителем в Казанском университете и условия службы под его суровую эгиду, наотрез отказался от предложенной ему чести, сославшись на расстроенное здоровье»⁶⁰.

Директором училищ Манасеин проработал шесть лет, в 1827 г. был переведен управляющим Саратовской удельной конторой, которую возглавлял до кончины в 1833 г.

Командировка молодого ученого, по сути, прервала его научную деятельность. Все им написанное ограничивается магистерской диссертацией и материалами, подготовленными в Петербурге. Загруженный административно-организационной работой, он отошел от науки. В его «лице Казанский университет также (т.е. как и в случае с Алехиным. — *Авт.*) потерпел неудачу в деле создания профессора-юриста из своих собственных питомцев»⁶¹. Как отмечает Г.С. Фельдштейн, гораздо плодотворнее была научная деятельность профессора Врангеля, не только разделявшего взгляды Неймана, но и обогатившего историческую школу уголовного права⁶².

Е.В. Врангель

Барон Евгений Васильевич Врангель — профессор правоведения. Представитель знатной рыцарской династии, родился в 1775 г. в г. Мейдель Эстляндской

губернии. Юридическое образование получил в Иенском, Виттенбергском и Вюрцбургском университетах. С 1806 г. работал в Комиссии составления законов, где познакомился с Нейманом. В 1809 г. по ходатайству последнего был назначен адъюнктом правоведения Казанского университета, читал два курса: российских гражданских законов («по своим тетрадам») и уголовных законов («по начертанию профессора Неймана»). Помимо уголовного права преподавал историю права. «Подобно своему бывшему принципалу, Нейману, — говорится в Биографическом словаре Казанского университета, — Врангель исходил из той основной точки зрения, что исторический метод⁶³ — является единственно целесообразным в деле создания теории права, вообще, и русского права, в частности»⁶⁴.

В 1811 г. назначен экстраординарным профессором правоведения, а в 1815 г. избран ординарным профессором. В течение трех неполных месяцев возглавлял нравственно-политическое отделение. В разные годы был секретарем совета и синдиком университета. В 1819 г. его, как и некоторых других профессоров, уволили из Казанского университета после ревизии вуза, проведенной попечителем Казанского учебного округа М.Л. Магницким⁶⁵.

Из Казани Врангель переехал в Санкт-Петербург, став профессором императорского Царскосельского лицея. «С прибытием в Петербург, Врангель зачислен был чиновником особых поручений при комиссии составления законов, где и состоял до переименования ее во II отделение (1826). Службу в лицее он продолжал до 1837 года — времени выхода своего в отставку. При нем последовала конфискация сочинения Куницына, и преподавание естественного права было прекращено до конца 1822 года, в который, по распоряжению директора Пажеского и кадетского корпусов, предписано Врангелю вновь приступить к преподаванию, руководствуясь в изложении “общими указаниями о преподавании наук и целью

⁶³ Как представляется, допущено смешение исторического метода с исторической школой. Об их различии см.: Чуцаев А. И., Агузаров Т. К. Исторический метод и историческая школа уголовного права // Вестник Орловского гос. ун-та. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2009. № 4(8). С. 13.

⁶⁴ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета за сто лет (1804—1904): в 2 ч. / под ред. Н.П. Загоскина. Ч. 2. С. 16.

⁶⁵ См.: там же. С. 15, 16.

В очерке о Е.В. Врангеле отмечается, что «вступив в брак с дочерью почтенного своего сослуживца, заслуженного профессора Казанского университета Яковкина, он думал в ученых занятиях, наслаждаясь семейным счастьем, провести жизнь мирно и безмятежно; но судьба и люди решили иначе: зависть, клевета и неблагодарность заставили этого почтенного, доброго человека, после девяти лет неуспешной деятельности и тяжких трудов, оставить, против воли, Казань и переселиться ... в Петербург» (см.: Б-ий. Воспоминания о бароне Егоре Васильевиче Врангеле // Отечественные записки. 1822. Т. 22. С. 55).

⁵⁸ Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 45.

⁵⁹ До революции визитатор являлся инспектором средних и низших учебных заведений.

⁶⁰ Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 46.

⁶¹ Там же. С. 44.

⁶² См.: Фельдштейн Г.С. Указ. соч. С. 350.

образования юношества в общественных училищах, как сие исполняется в прочих корпусах и учебных заведениях»⁶⁶.

Врангель в лицее вел: в 3 классе — римское право, историю российского законодательства, политическую экономию; в 4 классе — российское гражданское право, российское уголовное право, судопроизводство, судоустройство и делопроизводство.

«В основание своего курса уголовного права в Александровском лицее, — как отмечает Г.С. Фельдштейн, — Е. Врангель полагал программу, почти совершенно совпадающую с той, которая в свое время была предложена в Казани И. Нейманом»⁶⁷.

В лицее он проработал 17 лет. В это время был членом хозяйственного правления, членом комитета по рассмотрению учебных книг, используемых в кадетских корпусах, выполнял другие поручения⁶⁸.

Параллельно с преподаванием в лицее он вел занятия в Педагогическом институте, в составе которого имелся философско-юридический факультет (просуществовал до 1848 г.).

Работы по систематизации российского законодательства вновь актуализировали проблему юридических кадров в России, способных как к правотворческой, так и правоприменительной деятельности. В связи с этим по инициативе племянника царя принца Петра Ольденбургского, при участии М.М. Сперанского, было основано Императорское училище правоведения. Директором был назначен полковник, действительный статский советник С.А. Пошман, до этого исполнявший обязанности обер-прокурора Второго департамента Сената, а Врангель, учитывая его авторитет ученого и педагога⁶⁹, — инспектором училища⁷⁰.

В Императорский Санкт-Петербургский университет Врангель был приглашен в 1832 г. вместо уволенного проф. С.Г. Боголюбова⁷¹. В помощники

ему определили кандидата университета Палибина, за год до этого кончившего обучение; на него возложили чтение законов о состоянии; адъюнкта Рождественского, ранее преподававшего философию, которому было поручено ведение занятий по действующему гражданскому праву. Сам же Врангель читал лекции по истории русского права, действующему уголовному праву, гражданскому и уголовному судопроизводству⁷².

Вместе с М.М. Сперанским преподавал юридические науки наследнику цесаревичу Александру Николаевичу (Александру II).

Как уже говорилось, научное наследие Врангеля более обширно, чем других учеников Неймана по Казанскому университету. Причем все его основные исследования относятся к казанскому периоду работы: История уголовного права (1811); Теория судопроизводства Российской империи (1815); О супружестве (без даты); Рукописный курс лекций (без даты).

Научные взгляды Врангеля сводились к тому, что единственное, истинное основание уголовного права — это история. Следовательно, изучение уголовного права должно быть основано на исторических исследованиях. По утверждению ряда источников, он первым стал читать лекции об основаниях русского права. В лекции по уголовному праву и судопроизводству вошли многочисленные памятники русского законодательства, которые он изучал и систематизировал на протяжении всей педагогической и научной деятельности. «Вся ученая его деятельность, его устные лекции, оставленные им записки об истории русского права, о государственном гражданском и уголовном правах, служат тому самым верным и сильным доказательством: философская часть его лекций ограничивается весьма немногими, но ясными и определительными понятиями обоснованиях гражданского устройства. Вообще, барон Е. Врангель принадлежит к числу ревностнейших последователей историко-юридической школы в России»⁷³. Вероятно, на его взгляды оказало влияние работа в Комиссии составления законов, которая ориентировалась на национальную самобытность русского права вообще и уголовного права в частности.

преподавателем после пробной лекции. Но по просьбе попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Д.П. Рунича был сразу назначен ординарным профессором русского гражданского и уголовного права и судопроизводства (см.: Биографика СПбГУ).

⁷² См.: Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: историческая записка, составленная по поручению совета университета ординарным профессором по кафедре истории Востока В.В. Григорьевым. СПб., 1870. С. 89.

⁷³ Б-ий. Указ. соч. С. 55.

⁶⁶ Селезнев Н. Исторический очерк императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год. СПб., 1861. С. 128, 129.

⁶⁷ Фельдштейн Г.С. Указ соч. С. 351.

⁶⁸ См.: там же. С. 129, 130.

⁶⁹ Один из выпускников Училища вспоминает: «Мы любили его..., вся личность его располагала нас открывать перед ним душу, не таить от него наших мыслей и желаний; он душевно радовался каждому даже малейшему успеху...» (см.: Б-ий. Указ. соч. С. 56).

⁷⁰ См. подр.: Ко дню LXXXV юбилея Училища правоведения. 1835—1910: исторический очерк / сост. Г. Сюзор. СПб., 1910.

⁷¹ Боголюбов Семен Гаврилович (1792—1842) — работал в Комиссии составления законов, одновременно с этим вел занятия по русскому законоведению в Санкт-Петербургском университете. В 1824 г. обратился с ходатайством о приеме на работу в университет. Изучив рукописные труды Боголюбова, совет вуза пришел к заключению, что он может быть зачислен в штат

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баршев С.И.* Общие начала теории и законодательства о преступлениях и наказаниях. М., 1841.
2. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М., 1995. С. 69, 70.
3. *Б-ий.* Воспоминания о бароне Егоре Васильевиче Врангеле // Отечественные записки. 1822. Т. 22. С. 55, 56.
4. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета за сто лет (1804–1904): в 2 ч. / под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. 2. С. 15, 16, 52.
5. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902): в 2 т. Т. 1 / под ред. Г.В. Левицкого. Юрьев, 1902. С. 558, 585, 586.
6. *Васильев Иларион.* Историческое обозрение древнего русского законодательства // Вестник Европы. 1822. № 7.
7. *Васильев И.В.* Рассуждение о законах Государства Российского, изданных от основания оного до нынешних времен, с показанием причин периодической оных перемены и постепенной образованности, в какой они ныне. М., 1823.
8. *Викторский С.И.* История смертной казни в России и ее современное состояние. М., 1912.
9. *Горегляд О.* Опыт начертания русского уголовного права, часть 1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815. С. 1.
10. *Грачева Ю.В., Чуцаев А.И.* Первый учебник уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания русского уголовного права») // Lex russica. 2015. № 3 (т. С). С. 112.
11. *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1956. С. 451.
12. *Дементьев С.И.* Лишение свободы как мера уголовного наказания. Краснодар, 1977.
13. Дух законов. Творение знаменитого французского писателя Де Монтескю / пер. Е. Корнева. СПб., 1862. Ч. 1. С. 155.
14. *Евреинов Н.Н.* История телесных наказаний в России. СПб., 1913.
15. *Епифанова Е.В.* «Общественная опасность» как признак преступления в доктринах русского уголовного права XVII–XIX вв. // Юрид. наука. 2011. № 3. С. 28.
16. *Жиряев А.С.* О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении. Дерпт, 1850.
17. *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904: в 3 т. Т. 2. Ч. 2 (1814–1819). Казань, 1903. С. 38–41, 44–46.
18. *Иван Грозный.* Соч. М., 2010. С. 12–14.
19. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: историческая записка, составленная по поручению совета университета ординарным профессором по кафедре истории Востока В.В. Григорьевым. СПб., 1870. С. 89.
20. *Кант И.* Метафизика нравов. М., 1965. С. 257.
21. *Кареев Н.И.* Два взгляда на процесс правообразования // Русский вестник. 1889. № 11.
22. *Квинт Горацій Флакк.* Полн. собр. соч. / пер. под ред. и с прим. Ф.А. Петровского, вступ. ст. В.Я. Каплинского. М. – Л., 1936. С. 218.
23. *Кениг И.И.* Савиньи и его отношение к современной юриспруденции // Русский вестник. 1863. Т. 44.
24. *Кизеветтер А.А.* Исторические очерки. Из истории политических идей. – Школа и просвещение. – Русский год в 18 в. – Из истории России 19 ст. М., 1912. С. 160.
25. К 100-летию юбилея Училища правоведения. 1835–1910: исторический очерк / сост. Г. Сюзор. СПб., 1910.
26. *Муромцев С.А.* Образование права по учениям немецкой юриспруденции. М., 1886.
27. *Нейман И.* Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. С. 2, 4–9, 19, 20, 60, 65.
28. *Новгородцев П.И.* Немецкая историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. Опыт характеристики школы Савиньи в их последовательном развитии. М., 1896.
29. Новейшее руководство к познанию русских законов, изданное для воспитанников Московского коммерческого училища Иларионом Васильевым, магистром нравственных и политических наук: в 2 ч. М., 1826–1827.
30. Очерк истории смертной казни в России. Речь, читанная на годовичном акте Императорского Казанского университета ордин. проф. Н.П. Загоскиным // Известия и ученые записки Казанского ун-та. 1892. № 1.
31. *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802–1902): исторический очерк. Т. 1: Первый и второй периоды (1802–1865). Юрьев, 1902. С. 238, 240.
32. *Платон.* Законы, или О законодательстве / пер. С. Шейман-Топштейн. М., 2020. Кн. IX. С. 853.
33. *Рагимов И.М.* Преступление и наказание в мировых религиях. СПб., 2024.
34. *Радищев А.Н.* Проект для разделения Уложения Российского // Радищев А.Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 3: Труды по юриспруденции, деловые бумаги, дневники и письма. М. – Л., 1954. С. 170.
35. Русское уголовное право, изложенное обоим прав доктором, Казанского университета бывшим ректором Гавриилом Солнцевым. Казань, 1820. С. 83, 84, 92.
36. *Савенков А.Н.* Первоосновы уголовного права: новое направление исследований // Государство и право. 2024. № 3.
37. *Святитель Игнатий (Брянчанинов).* Аскетические опыты. Чаша Христова. М., 2010.
38. *Селезнев Н.* Исторический очерк императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год. СПб., 1861. С. 128, 129.
39. Слово о начале и переменах русских законов / В торжественное празднество тезоименитства ее императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийския в публичном собрании Санктпетбургской Императорской Академии наук, говоренное Федором Штрубом

- сентября 6 дня 1756 году.; И переведенное на российской язык Семеном Нарышкиным. СПб., 1756. С. 32.
40. Слово о начале и распространении положительных законов, и о неразрывном союзе философии с их учением, в публичном собрании Императорского Московского университета, бывшем для высокочестнейшего дня рождения ее императорского величества благочестивейших великих государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской, говоренное профессором и университетской конференции секретарем Карлом Генрихом Ланге. М., 1766. С. 6.
41. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 21.
42. Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX: очерки жизни и творчества: в 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 249, 254.
43. Уголовное право России. Общая часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 392.
44. Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. М., 2003. С. 129, 130, 345, 348–351.
45. Чучаев А.И. Наказание оправдано, если... // Государство и право. 2024. № 11.
46. Чучаев А.И. Разработка уголовного законодательства в XVIII – первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права // Государство и право. 2024. № 11.
47. Чучаев А.И. Цели наказания: квадратура круга // Уголовное право. Общая часть. Наказание: в 10 т. Т. 1. Кн. 2 / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2021. С. 27–61.
48. Чучаев А.И., Агузаров Т.К. Исторический метод и историческая школа уголовного права // Вестник Орловского гос. ун-та. Сер.: Новые гуманитарные исследования. 2009. № 4 (8). С. 13.
49. Школьный этимологический словарь / авт.-сост. Н.М. Шанский. М., 2004. С. 296.
8. *Viktorsky S.I.* The history of the death penalty in Russia and its current state. М., 1912 (in Russ.).
9. *Goreglyad O.* The experience of the Russian Criminal Law. Part 1. On crimes and punishments in general. St. Petersburg, 1815. P. 1 (in Russ.).
10. *Gracheva Yu. V., Chuchaev A.I.* The first textbook of criminal law (on the 200th anniversary of Osip Goreglyad's textbook "The experience of writing Russian Criminal Law") // Lex russica. 2015. No. 3 (vol. C). P. 112 (in Russ.).
11. *Grotius G.* On law war and peace. М., 1956. P. 451 (in Russ.).
12. *Dementiev S.I.* Deprivation of liberty as a measure of criminal punishment. Krasnodar, 1977 (in Russ.).
13. The spirit of the laws. The creation of the famous French writer De Montesquieu / transl. by E. Kornev. St. Petersburg, 1862. Part 1. P. 155 (in Russ.).
14. *Evreinov N.N.* The history of corporal punishment in Russia. St. Petersburg, 1913 (in Russ.).
15. *Epifanova E.V.* "Public danger" as a sign of crime in the doctrines of Russian Criminal Law XVII–XIX century // Legal science. 2011. No. 3. P. 28 (in Russ.).
16. *Zhiryaev A.S.* On the confluence of several criminals in the same crime. Dorpat, 1850 (in Russ.).
17. *Zagoskin N.P.* The history of the Imperial Kazan University for the first hundred years of its existence. 1804–1904: in 3 vols. Vol. 2. Part 2 (1814–1819). Kazan, 1903. Pp. 38–41, 44–46 (in Russ.).
18. *Ivan the Terrible.* Essays. М., 2010. Pp. 12–14 (in Russ.).
19. Imperial St. Petersburg University during the first fifty years of its existence: a historical note compiled on behalf of the University Council by Ordinary Professor at the Department of Oriental History V.V. Grigoriev. St. Petersburg, 1870. P. 89 (in Russ.).
20. *Kant I.* Metaphysics Morals. М., 1965. P. 257 (in Russ.).
21. *Kareev N.I.* Two views on the process of legal education // Russian Herald. 1889. No. 11 (in Russ.).
22. *Quintus Horace Flaccus.* Complete collection of works / transl. ed. and with the note of F.A. Petrovsky, intro. article by V. Ya. Kapinsky. М. – Л., 1936. P. 218 (in Russ.).
23. *Koenig I.I.* Savigny and his attitude to modern jurisprudence // Russian Herald. 1863. Vol. 44 (in Russ.).
24. *Kiesewetter A.A.* Historical essays. From the history of political ideas. – School and education. – The Russian Year in the 18th century. – From the History of Russia, 19th century. М., 1912. P. 160 (in Russ.).
25. On the occasion of the LXXXV anniversary of the College of Law. 1835–1910: a historical essay / comp. G. Suzor. St. Petersburg, 1910 (in Russ.).
26. *Muromtsev S.A.* The education of law according to the teachings of German jurisprudence. М., 1886 (in Russ.).
27. *Neumann I.* The initial foundations of Criminal Law. St. Petersburg, 1814. Pp. 2, 4–9, 19, 20, 60, 65 (in Russ.).
28. *Novgorodtsev P.I.* The German historical school of Lawyers, its origin and fate. The experience of the characteristics of the Savigny school in their consistent development. М., 1896 (in Russ.).
29. The latest guide to the knowledge of Russian laws, published for pupils of the Moscow Commercial College by Hilarion

REFERENCES

1. *Barshev S.I.* General principles of theory and legislation on crimes and punishments. М., 1841 (in Russ.).
2. *Beccaria Ch.* On crimes and punishments. М., 1995. Pp. 69, 70 (in Russ.).
3. *B-y.* Memoirs of Baron Egor Vasilyevich Wrangel // Otechestvennyye zapiski. 1822. Vol. 22. Pp. 55, 56 (in Russ.).
4. Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Kazan University for one hundred years (1804–1904): in 2 parts / ed. by N.P. Zagoskin. Kazan, 1904. Part 2. Pp. 15, 16, 52 (in Russ.).
5. Biographical dictionary of professors and teachers of the Imperial Yurievsky, former Dorpat University for one hundred years of its existence (1802–1902): in 2 vols. Vol. 1 / ed. by G.V. Levitsky. Yuriev, 1902. Pp. 558, 585, 586 (in Russ.).
6. *Vasiliev I.* Historical review of ancient Russian legislation // Herald of Europe. 1822. No. 7 (in Russ.).
7. *Vasiliev I.V.* A discussion on the laws of the Russian State, published from its foundation to the present, with an indication of the reasons for their periodic changes and gradual education, as they are now. М., 1823 (in Russ.).

- Vasiliev, Master of Moral and Political Sciences: in 2 parts. M., 1826–1827 (in Russ.).
30. An essay on the history of the death penalty in Russia. Speech delivered at the annual act of the Imperial Kazan University of the ordinary Professor N.P. Zagoskin // News and scientific notes of Kazan University. 1892. No. 1 (in Russ.).
 31. *Petukhov E.V.* Imperial Yurievsky, former Dorpat University for one hundred years of its existence (1802–1902): historical essay. Vol. 1: The first and second periods (1802–1865). Yuriev, 1902. Pp. 238, 240 (in Russ.).
 32. *Plato.* Laws, or On legislation / transl. by S. Sheiman-Topshtein. M., 2020. Book IX. P. 853 (in Russ.).
 33. *Ragimov I.M.* Crime and punishment in World religions. SPb., 2024 (in Russ.).
 34. *Radishchev A.N.* A project for the division of the Russian Code // Radishchev A.N. Complete collection of works: in 3 vols. Vol. 3: Works on jurisprudence, business papers, diaries and letters. M. – L., 1954. P. 170 (in Russ.).
 35. Russian Criminal Law, outlined by the Doctor of both rights, Former rector of Kazan State University, Gavriil Solntsev. Kazan, 1820. Pp. 83, 84, 92 (in Russ.).
 36. *Savenkov A.N.* The fundamentals of Criminal Law: a new direction of research // State and Law. 2024. No. 3 (in Russ.).
 37. *St. Ignatius (Bryanchaninov).* Ascetic experiences. The Chalice of Christ. M., 2010 (in Russ.).
 38. *Seleznev N.* Historical sketch of the Imperial former Tsarskoye Selo now Alexander Lyceum for its first fiftieth anniversary, from 1811 to 1861. St. Petersburg, 1861. Pp. 128, 129 (in Russ.).
 39. A word about the beginnings and changes of Russian laws / In the solemn celebration of the namesake of her Imperial Majesty the Most Gracious Empress Elizabeth Petrovna, Ruler of the All-Russian at the public meeting of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences, spoken by Fyodor Strub on September 6, 1756.; And translated into Russian by Semyon Naryshkin. St. Petersburg, 1756. P. 32 (in Russ.).
 40. A speech on the beginning and dissemination of positive laws, and on the inseparable union of philosophy with their teaching, in the public meeting of the Imperial Moscow University, which was for the highly solemn birthday of Her Imperial Majesty, the Most Pious Great Empress Catherine Alekseevna, autocrat of All Russia, spoken by Professor and Secretary of the University conference Karl Heinrich Lange. M., 1766. P. 6 (in Russ.).
 41. *Tagantsev N.S.* Russian Criminal Law. Lectures. General part: in 2 vols. M., 1994. Vol. 1. P. 21 (in Russ.).
 42. *Tomsinov V.A.* Russian jurists of the XVIII–XX: essays on life and creativity: in 2 vols. M., 2007. Vol. 1. Pp. 249, 254 (in Russ.).
 43. Criminal Law of Russia. General part / ed. by N.M. Kropachev, B.V. Volzhenkin, V.V. Orekhov. SPb., 2006. P. 392 (in Russ.).
 44. *Feldshtein G.S.* The main trends in the history of the science of Criminal Law in Russia. M., 2003. Pp. 129, 130, 345, 348–351 (in Russ.).
 45. *Chuchaev A.I.* Punishment is justified if... // State and Law. 2024. No. 11 (in Russ.).
 46. *Chuchaev A.I.* The development of criminal legislation in the XVIII – first quarter of the XIX century: the struggle for the identity of Russian law // State and Law. 2024. No. 11 (in Russ.).
 47. *Chuchaev A.I.* The purpose of punishment: squaring the circle // Criminal Law. The General part. Punishment: in 10 vols. Vol. 1. Book 2 / ed. by N.A. Lopashenko. M., 2021. Pp. 27–61 (in Russ.).
 48. *Chuchaev A.I., Aguzarov T.K.* The Historical method and the historical school of Criminal Law // Herald of the Orel State University. Ser.: New humanitarian studies. 2009. No. 4 (8). P. 13 (in Russ.).
 49. School etymological dictionary / author-comp. N.M. Shansky. M., 2004. P. 296 (in Russ.).

Сведения об авторах

МАЛИКОВ Сергей Владимирович —
доктор юридических наук,
заместитель директора Института государства
и права по научной работе
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЧУЧАЕВ Александр Иванович —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заведующий сектором уголовного права,
уголовного процесса и криминологии
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

MALIKOV Sergey V. —
Doctor of Law,
Deputy Director of the Institute of State
and Law for Scientific Work
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

CHUCHAEV Aleksandr I. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Head of the Sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia